

Павел Кадочников

ИЗ ДНЕВНИКА 41-го ГОДА

Встреча

СОВЕТСКИЙ РАССКАЗ
г. Москва

26 АПР 1985

В 1947 году на экраны вышел фильм «Подвиг разведчика». А вслед за ним — «Повесть о настоящем человеке». Тогда, наверное, все фильмы были о войне, о победе. Но в памяти тех, кто их видел, даже названия многих лент не сохранились. А вот показанный год назад по телевидению «Подвиг разведчика» был воспринят зрителями свежо, непосредственно — как документ мужественный и яркий.

В чем же столь притягательная сила этих фильмов? При всей их наивности и некоторой прямолинейности они воспринимаются сегодня как живая память о живом. И причина — в их главном герое, который вышел на экран из боя. На короткое время. Чтобы снова вернуться в бой. Он так воспринимался тогда, так воспринимается и сейчас — символом времени. И вывел этого героя на экран народный артист СССР Павел Петрович Кадочников.

С юности ведет Павел Петрович дневник. В эти дни невольно вспоминает о нем, открывает его на той странице, где короткой строкой обозначен последний день мира: «21.06.41 г. Закончилась вечерняя смена, и был снят последний кадр кинокартины «Антон Иванович сердится».

— Можете представить, какое у меня было настроение,— говорит Павел Петрович,— картина удалась. Осталось ее только озвучить — работа недолгая, а потом праздник премьеры и... киноэкспедиция на Волгу, в Сталинград, с новой киогруппой, с новым фильмом «Оборона Царицына». Работа с кинорежиссерами Васильевыми, создателями легендарного «Чапаева», и роль Коли Руднева, ворошиловского начштаба...

На другой день все перевернулось... Война. Я подал заявление в народное ополчение. Не запомнил ни фамилии секретаря райкома комсомола, ни его внешности. Обычный мальчишка — стриженная голова на тонкой шее и очень взрослые глаза, оттененные сивевой усталости. И слова, взрослые, врезались в память: «Искусство не должно умереть! Оно должно встать на оборону. С этого дня считай себя солдатом и выполняй свой солдатский долг, отправляйся в Сталинград на съемки».

И Павел Кадочников поехал туда. Вот несколько записей из тех дней...

26.7.41 г. Баржа. Беженцы. Сговорился с матросом по имени Петр Дмитриевич относительно ночлега в его кубрике.

Петр Дмитриевич. Ему 54 года. Человек с суровым лицом... Очень занятно судит о международном обстановке. Спекулянтов колет на все лопатки...

О Волге говорит с любовью, ласково: «Вода в ней мягка, пользительна. Друга, колодезна вода, в глотку не идет! А волжска вода мягка. И рыбой всякой дюже богата. Хороша река, лучша река. За то ее немец и хочет взять. Да не возьмет!».

3.8.41 г. Прибыли наконец в Сталинград.

1.10.41 г. Сквозь частое сито осеннего дождя смотрим на улицу. По ней проходит конница. Станичные казаки останавливают всадников и с великой лаской в глазах суют им в руки кто теплые носки, кто варежки, кто пачку махорки. Над улицей мощно звучит песня про грядущую победу.

2.10.41 г. Новости приходят горькие: пал Киев, сдали Полтаву. Мне 26 лет, а я — не на фронте! Я не выдержал, подал заявление, требуя освободить меня от картины и отправить на фронт.

Сергей Дмитриевич Васильев вызвал меня для разговора домой. Застал я его у большой карты военных действий. Лишь закончив операцию с флажками, Сергей Дмитриевич резко повернулся ко мне и закричал: «Это, айте (понимаете), черт знает что такое! Вместо того, чтобы в грудное время помочь группе сохранить порядок, айте, дисциплину. Вы, играющий начальника штаба Ворошиловской армии, айте, первым вносите дезорганизацию. Ответьте мне, почему вы считаете себя, айте, умнее и лучше других? И на каком основании вы считаете, что мы занимаемся чепухой?».

7.11.41 г. Это праздник. Дальше писать трудно...

А через некоторое время произошла встреча у меня на Новосибирском вокзале.

— Скажите, это вы Мушин? Ленька? Горький? Севюшкин?

Я поднял голову. Передо мной стояли молодые лейтенанты-артиллеристы. Они с фронта...

— Мы вашу картину «Антон Иванович сердится» смотрели в блиндаже. И когда наши ребята увидели Ленинградскую филармонию, белые колонны, услышали звуки органа... увидели на экране мир и радость! Вы представляете себе, как они потом шли в бой? Потому что они понимали, что надо защищать.

— Мы жили и работали сначала в Анжеро-Судженске, в Кузбассе,— продолжает рассказ Павел Петрович,— потом в Новосибирске. Никогда, ни до, ни после войны, в

театре не было столько премьер. И еще ежедневные концерты.

А вообще для меня лицо войны — госпиталь. Наверное, потому, что бывал у раненых ежедневно, сотни раз видел жизнь у последней черты.

И сейчас перед глазами бесконечные белые коридоры, большие палаты, тесно расставленные койки. Вижу лица, лица... Как велика была в те годы Россия деревенская, как многолюдна! Я ведь сам из деревенских, и своих, как говорится, без примет узнаю. Тогда, в госпитале, понимал, что не про кино им надо говорить и песни петь не те, что сложены композиторами. И я рассказывал им про свою деревню, и песни пел деревенские, длинные и подробные, как роман...

Из множества лиц, судеб, характеров и рождались потом фильмы о войне, их герои. Павел Петрович встречался с Маресьевым. Вот запись в дневнике: «Прославленный летчик, о подвиге которого знает весь мир, застенчив». Вспоминает он еще одну встречу на войне, очень для него важную. Поэтому, наверное, и записана она так подробно:

«С актером Балашовым едем в Алма-Ату на съемки фильма «Иван Грозный». Вдвоем в мягком купе — сами себе не верим, что такое бывает. Вдруг дверь открылась, и невысокий, худощавый, голубоглазый солдат спросил: «Ребята, это место свободно будет?». Мы дружно закивали. Он снял вещмешок, скатал шинель, положил под голову и сел на краешек. Я посмотрел на него и обомлел: на гимнастерке у погучика — Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, медаль «За отвагу»... Ведь это же он, русский богатырь!

Я не выдержал, спросил, за что он Героя получил.

— Героя-то? А ты про 28 панфиловцев слышал чего-нибудь?

— Конечно, слышал. Но ведь они все погибли?

— Погибли, дорогой товарищ, все погибли. Хорошие ребята были. А я вот живой остался. Дело-то ведь как было... У нас в авангарде окоп узкий, дак что фашист надумал... Он, понимаешь ли, гусеницей в окоп наладит и норovit примять, примять норovit. А у нас ребята все подобрались со смекалкой — мы все вбок зарылись! А как гусеница мимо меня пролазает, я вскакиваю и бутылкой... А ведь не пропустили... 50 фашистских танков не пропустили. Как раз это было пашнададного октября. А потом я удар сильный получил и сознание потерял. Тут, видать, после боя один старичок меня отыскал. Сначала к себе в сторожку уволок, а потом в госпиталь доставил. А передо мной один наш связной упал, Сапна, товарищ мой, хороший парень. Он смертельно раненый был. Он как-то в другой госпиталь попал. В том госпитале его и спрашивают: «Слушай, скажи, кто в этом сражении последним упал?» А он и говорит: «Шемякин последним в бою упал». Сказал и помер. Выходит, все померли. А про то, что я в госпитале лежал, дак об этом узнали, когда я на Ленинградском фронте уже был.

Помню, сижу как-то с ребятами в блиндаже, как раз перед прорывом блокады. Тишина была жуткая, бывает на фронте такое затишье, от которого мороз по коже берет. Поглядел я на ребят, вижу — молодые, боятся, и говорю: «Ребята, что это у вас за война? Что это тихо у вас так? Вроде как в санатории». И стал им про танковый бой рассказывать. Они слушают, а я им еще покрасивее все обрисовываю для интереса, чтобы внимательнее слушали, дак они вроде и про страх забыли. Об этом до комиссара дошло. Вызывает он меня и спрашивает: «Слушай, Шемякин, что это ты ребятам рассказывал, про какое это сражение? Теперь удержи на них нет, так в бой и рвутся». А я про себя думаю, мол, обминурился, может, про это и рассказывать нельзя. Ничего, товарищ комиссар, ничего особого не говорил. Он меня во второй раз вызывает, ночью, помню, в глаза так серьезно посмотрел и говорит: «Ну, Шемякин, признавайся, как на духу, в каком это ты бою участвовал, а?»

Ну... Я ему все и выложил. А он, веришь ли, дорогой товарищ, встал передо мной... Руки по швам вытянул, в глазах слезы и говорит: «Эх ты, Шемякин, Шемякин, родной ты мой. Что же ты мне сразу-то не сказал, да какой же ты есть человек! Ты даже сам не знаешь, какой ты есть человек. Ведь тебе же посмертно присвоено звание Героя Советского Союза». Да у меня, знаешь ли, когда он сказал это, даже колени подкосились...

Война... Кажется, давно это было. А вот ведь живы — пожелтевшие страницы военного дневника. И за ними — жизнь. Гнула нас война, сжигала, но и поднимала до таких высот духа, что и сегодня не верится, с нами ли это было...

С нами!

Э. ИВАНОВА.